

ЙЕНС ЛАПИДУС

ЙЕНС ЛАПИДУС

VIP-ЗАЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Л 24

Jens Lapidus
«VIP-RUMMET»

Серия «Мастера саспенса»

Перевод с шведского *Анна Огневой*

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Лapidus, Йенс.

Л 24 **Виp-зал:** роман / Йенс Лapidус; [пер. с швед. А.А. Огневой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с. — (Мастера саспенса).

ISBN 978-5-17-089742-1

Найдан, по прозвищу Тедди, выходит на свободу после восьми лет пребывания за решеткой. Он решил навсегда покончить с преступным миром. Но у него совершенно нет денег, да и от службы занятости нет никакого толка. А тут надо вернуть долг к концу недели... Тедди, зная его темное прошлое, предлагают работу: найти молодого человека, которого похитили неизвестные. Состоятельные родители похищенного амбициозного бизнесмена боятся огласки и не осмеливаются обратиться в полицию, а ищут помощи у юридической фирмы. Что скрывается respectable семья? С чем предстоит столкнутся Тедди и Эмили из юридической фирмы? Кто стоит за маской белого кролика? И при чем здесь детская порнография?

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-089742-1

Copyright © Jens Lapidus 2014
© Огнева А. А., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Жесткий диск (Восемь лет назад)

Сесилия заглушила двигатель автомобиля. На секунду в наступившей тишине ей показалось, что все в порядке. Она глубоко вздохнула. Вовсе не в порядке. И так никогда еще не было.

Машину она припарковала на площадке у Зайкиного детского сада. Будь все как раньше, она бы уже вытащила сумку из бардачка и поспешила бы за дочерью.

Вечно на бегу, голова вечно забита: что еще нужно сделать. Но в последние недели. Теперь жизнь больше не шла по накатанной колее, а превратилась в катастрофу, грозящую крахом и позором ей и ее семье.

Сейчас ей нужно побыстрее выскочить из машины и забрать детей, они в опасности. Но Сесилия откинулась на спинку сиденья и не могла пошевелиться. Как же здесь тихо, и здесь ее не увидит какой-нибудь знакомый, недоумевающий, почему она вдруг решила расслабиться в машине в четыре часа дня.

Но расслабиться и закрыть глаза она не могла.

Она боялась.

Около часа назад кое-что случилось. Снова.

Тогда она прошла пешком с Кунгсхольмен до Центрального вокзала и собиралась спуститься в метро и поехать

Йенс Лapidус

на работу. Шефу она сказала, что была у врача из-за боли в спине.

Моросило, капли дождя покалывали лицо, как крохотные иглы. Лужи на дороге напоминали блестящие темные пятна краски. Проходя мимо ратуши, Сесилия насчитала на парковке семь туристических автобусов. Группа женщин, одетая в такие толстые пуховики как у полярников, собралась вокруг гида. Они сгрудились вместе, подняв раскрытые зонтики, как единый щит против плохой погоды.

Сесилия перешла через дорогу, чтобы не проталкиваться сквозь толпу туристов. И когда она почти бежала по другой стороне, у нее вдруг возникло странное чувство. В десятке метров позади нее улицу переходил мужчина в низко натянутой на лоб зимней шапке. И он тоже спешил. Разве не этого же человека она видела курящим рядом с детским психологическим центром? Как будто он чего-то ждал. Ждал, пока она оттуда выйдет?

И в этот момент зазвонил телефон. Скрытый номер.

— Это Сесилия Эмануэльсон?

Голос был мужской.

— Да, это я.

— Хорошо. Просто хотел сказать: твой муж у нас.

— Что?

— Обернись.

Сесилия резко развернулась. Она увидела, как где-то далеко туристы потянулись к входу в ратушу. Она поискала глазами знакомую фигуру. По другой стороне улицы прогуливался мужчина в костюме под зонтиком. А потом она увидела его, человека в шапке. Он стоял в десятке метров от нее, прислонившись к фонарному столбу. Казалось, дождь его не беспокоил. К уху он прижимал мобильный. Увидев, что она его заметила, он поднял руку с телефоном.

Затем она снова услышала его голос в трубке:

VIP-зал

— Молчи и слушай. Все очень просто. Матс у нас. И мы следим за тобой. Только попробуй обратиться в полицию сама или через кого-нибудь — и мы его уьем. Просто хочу, чтобы ты это знала.

Сейчас ей нужно выйти из машины, быстро забрать Зайку и Бенъямина. Потом мчаться в аэропорт и ближайшим рейсом вылететь к родителям. Нельзя звонить в полицию, пока она не поймет, что все это значит. Кроме того, надо сначала отвезти детей в безопасное место подальше от Стокгольма.

Но она не могла выйти из машины. Она сидела и думала о том, почему все так случилось.

18 января

Туфли: «Дзенья».

Смокинг: «Корнелиани».

Сорочка: «Фрай».

Сегодня Филип Шале одет безупречно — ни малейшего изъяна.

Весь ансамбль обошелся в тридцать две тысячи крон в «Ханс Альде», за исключением сорочки — она, кстати, была заказана по мерке прямо из Италии.

Ее и еще три повседневные рубашки он получил неделю назад. Сшита из первоклассного хлопка, выращенного на Карибском островах, нити двойного кручения, пуговицы из натурального перламутра. Отделка воротника и манжет выполнена вручную. Что-то около девятнадцати тысяч евро. Практически даром.

Ну вот: кто-то залил смокинг и рубашку пивом. Или, может быть, коктейлем. Или это вода? Дело в том, что он совершенно не помнил, как это случилось. Он не помнил

Йенс Лapidус

даже, *где* это случилось. Просто вдруг почувствовал что-то мокрое сквозь тончайшую шерсть.

Филип осмотрелся. Субботний вечер в самом модном месте города. Танцпол VIP-зала в «Кларе» переполнен.

Акселя невидно. Наверное, ушел домой сразу после ужина: всем известно, что он ненавидит благотворительность.

А вот Карл помахал ему с танцпола. Цветные блики, как от зеркала, отражались от его вспотевшего лба.

А Ян — Филип повернул голову — ну конечно, Ян сидел рядом с ним за столиком. Воротничок его рубашки плотно прилегает к шее — как в рекламе зимней коллекции «Бриони». Бабочка все еще завязана идеально, хотя на часах четверть пятого. Этого Яна всегда заботит внешний вид.

Ян наклонился к Филипу и прокричал ему в ухо:

— Извини, я оплачу химчистку! Ноу проблемс.

Вот как. Значит, это Ян виноват.

— Шикарная у тебя рубашка. Ты знаешь, девяносто пять процентов здешнего сброда не шьют сорочки на заказ. И еще пятьдесят из них вообще не слышали о «Фрай». Ленивые нищebroды. Идиоты.

Филип не понимал, что Ян имеет в виду. Может, он перебрал, или это просто ход, чтобы отвлечь внимание от испорченного смокинга. А может, для Яна это в порядке вещей.

В колонках: ровный ритм Авичи.

В носу: щекочет кокс — неустойчивое чувство, как будто пол вращается вокруг своей оси.

Двадцать минут назад Филип, склонившись над столом, втягивал дорожку. Здесь отделение для самых-самых клиентов: в VIP-зале всем наплевать на наркотики.

VIP-зал

*So wake me up when it's all over..** Люди на танцполе завывали как ненормальные. Они по-пороссячьи верещали и скакали вверх-вниз, опьяненные чувством беззаботности.

Ян снова наклонился к Филипу:

— Посмотри на них. Продажные. Ограниченные. И-ди-о-ты.

Филип больше не мог слушать это нытье. Он вернулся к своему коктейлю. Свежий лимонный вкус его немного взбудрил — он сделал еще один глоток и попытался сфокусироваться на танцполе.

Одну из танцующих девушек он узнал.

В его голове под пульс стробоскопа возникли и другие картинки.

Встреча, на которой он был сегодня, — индивидуальное финансовое обслуживание, «Фенстрем и Квист», — скрипучий дубовый паркет и стены в деревянных панелях. Бесплатный обед плюс бокал терпкого «Сансер». Старинное убранство. Молодой клерк в розовом галстуке от Сальваторе Феррагамо и с серым лицом, пытающийся что-то рассказать об инвестициях. Конечно, у некоторых его предприятий излишняя ликвидность. И с прочими вложениями дела идут не очень гладко. И банк попытался до него донести, что ему нужно сменить управляющего и советника.

Но если ваша семья пользуется услугами одного банка вот уже шестьдесят лет, вы не меняете доверенных лиц просто так, им бы следовало это знать. Тем не менее Филипп вежливо все выслушал, ему не хотелось огорчать парнишку, к тому же у него была причина сюда зайти. Только он еще до конца не знал, пришел ли он потому, что хотел получить улучшенный банкинг, или...

* Строчка из песни Avicii «Wake Me Up».

Йенс Лapidус

Он снова ее заметил. С этой девушкой он встречался пару недель назад. Она попыталась перехватить его взгляд. Ее имя вылетело у него из головы, кажется, что-то вроде Нины или Анины.

На танцпол выпустили дым. Карл танцевал с двумя девицами и выделялся, как акробат.

Луч света снова выхватил из толпы ее лицо, как будто растворившееся в людском море, она была частью дымной пелены, частью этого места. И все же он отчетливо различал ее взгляд. В прошлый раз она трещала без умолку, болтала обо всем, и чем она займется после учебы. Сейчас он даже не мог вспомнить, где она училась.

Она трепалась обо всех знакомых и незнакомых, о том, кто из клубных охранников был клевый, а у кого были садистские наклонности. И вот снова: он ясно увидел ее глаза.

Он ничего не сказал Яну.

На большом билборде на «Скандик Англез» показывали что-то про лыжные костюмы.

Снег в рекламе был таким белым, что Филип отвернулся.

Куда все подевались?

Клуб закрылся. Ян смылся — сукин сын, ведь это он его напоил и уговорил остаться.

Ему нужно домой. Он осмотрелся в поисках такси.

Холодно.

Крошечные диоды, составлявшие картинку на рекламном щите, осветили Филипа, как прожекторы. Ему хотелось закрыть глаза. Лечь в постель. Немного отдохнуть.

Несколько человек шли ему навстречу.

Филип снова оглядел улицу. Какая-нибудь машина скоро появится.

Кто-то толкнул его.

VIP-зал

— Эй ты.

Это был коренастый парень в черной шапке, низко надвинутой на глаза, и в шарфе, закрывающем нижнюю часть лица.

Филип сделал шаг в сторону.

— Простите, — сказал он скорее машинально.

Парень обернулся.

— У тебя что, проблемы?

Он качнулся к Филипу.

— Вы со мной говорите? — спросил Филип.

— Я спросил: у тебя что, проблемы? Ты меня толкнул.

Парень в шапке подошел ближе.

— Это какая-то ошибка. Я просто жду такси.

— Заткнись. Ты реально влип.

— Но я не понимаю...

Удар пришелся чуть выше глаза.

Филип схватился за лицо и вскрикнул. Одновременно он заметил, что парень теперь стоял совсем близко.

Филип попытался.

Тогда кто-то схватил его сзади.

Он попытался вырваться, стал извиваться и брыкаться.

Но это не помогло. Его держали слишком крепко.

Затем один из нападавших подошел вплотную к Филипу. Он что-то держал в руке. Пистолет. Человек приставил дуло к его животу и придвинулся еще ближе.

Он наклонился близко к лицу Филипа, и тот почувствовал что-то странное у уха. Он понял: человек с пистолетом облизал его мочку.

— Тебе нравится? Ведь нравится, да? — Незнакомый голос звучал совсем близко.

Они подтолкнули его вперед. Филип насчитал четырех. Все в темной одежде и в шапках или капюшонах, надвинутых на глаза. Они, должно быть, производили очень странное впечатление, пока шли по улице Биргер-

Йенс Лapidус

Ярлсгатан. Только вот в это время суток в городе не очень-то многолюдно и вряд ли их кто-то заметит.

Он точно не знал, сколько было времени, только помнил, что все стокгольмские клубы закрываются не позже пяти. Кое-где он видел одиноких людей, сидевших на лавках или на корточках у дверей. Похоже, их тошнило, и они хотели немного протрезветь, прежде чем отправиться домой.

Нападавшие молчали. Они шли совсем рядом с ним, как телохранители. Спинай он чувствовал твердое дуло пистолета.

Кажется, он понял, в чем дело.

Они толкали его вперед.

Заставили его пойти с ними.

Куда они его ведут?

Слева остался «Риш». Свет внутри не горит, стулья подняты на столики. Последние охранники уже ушли домой, потому что на улице ни души.

Филип подумал о том, что обычно он здесь обедал. Рагу у них было неплохим.

Но не сейчас — сейчас все было плохо.

Они шли в сторону площади Ньюбруплан. Несколько пустых такси кружило здесь в ожидании таких, как он. Припозднившихся гуляк.

Филип хотел закричать или замахать руками. Но понял, что это дурацкая идея. Кем бы ни были эти люди, у них есть пистолет, направленный ему в спину. Он не мог ничего предпринять, не рискуя жизнью.

Он почувствовал, что, несмотря на холод, по лбу каплет пот. Тошнота подползала к горлу, как змея.

Они перешли улицу и остановились у ларька, где продавались билеты на лодочные экскурсии. Здесь было темно, свет фонарей не доходил до причала. Через дорогу виднелся темный парк Берцелиуса. Голые деревья протя-

VIP-зал

гивали редкие ветви в мрачное ночное небо, и грязный снег лежал здесь в ожидании рассветных сумерек.

— Слезай, — сказал парень с пистолетом.

Сначала Филип не понял, что от него хотят.

Потом один из мужчин знаками указал на край причала.

Им надо, чтобы он спустился и вышел на лед.

— Нет-нет. Так нельзя.

— Я сказал — слезай.

— Вы психи. Лед не выдержит. Я же утону.

Человек с пистолетом обошел его и встал напротив, лицом к лицу.

Он приставил пистолет к животу Филипа.

«Это конец», — догадался Филип. — «Не делайте этого, не делайте», — стучало в голове.

Человек с пистолетом сказал, как будто это было чем-то само собой разумеющимся:

— А теперь ты пойдешь туда.

Филип почувствовал дрожь в ногах. Он сел на корточки у края причала и начал медленно сползать вниз. До льда было метра два. Он отпустил руки и спрыгнул на скользкую поверхность.

Раздался треск. Он посмотрел вниз. Лед выглядел влажным и хрупким.

Он вспомнил, как в детстве катался на коньках на стадионе в Эстермальме.

Там было безопасно: под катком была твердая земля.

Филип не знал, насколько тонкой могла оказаться ледовая корка, но что-то ему подсказывало, что в такую зиму, как эта, лед не бывает прочным.

Это было равносильно самоубийству.

— Здесь нельзя пройти. Пожалуйста.

Мужчина наверху убрал пистолет. Вместе с остальными тремя он стоял у края причала, засунув руки в карманы, и глазел на Филипа.

— Иди, — сказал он.

Йенс Лapidус

21 января

На небе сегодня ни облачка. Многие стокгольмцы подтвердят, что ради такого дня стоит потерпеть три месяца серости и унылой слякоти.

Деян не мог дожидаться предстоящей поездки. И не только из-за долгожданной встречи. Он обожал водить.

Он снял перчатки и повернул ключ. Машина завелась с полоборота. Руль оказался холодным, словно был сделан из металла, поэтому он придерживал его самыми кончиками пальцев правой руки. И все равно мерз. В новых моделях руль с обогревом, но ему же пришлось включить печку на максимум и ждать, пока салон прогреется.

Тачку он взял у Томаса, его собственная разбита в хлам после большой аварии на той неделе. Хотя это тоже «бэха», да еще и пятой серии, так что жаловаться не на что.

Некоторые вот водят «Опели» или «япошек».

Машина скользила на север по трассе E4. Разбуди его кто среди ночи с просьбой махнуть по этому пригороду задом наперед, он бы справился с первого раза.

Через некоторое время он свернул на E18. Теперь он ехал через северный Стокгольм. А это совсем не его район.

Не доезжая до Окерсберги, он свернул к Эстерокерской колонии. Кое-что изменилось с тех пор, когда он был здесь в последний раз. Да и в последние годы он навевывался сюда реже, чем следовало бы.

Он думал о Тедди, после случившегося они не так уж часто разговаривали. Тедди — или Найдан, как его на самом деле звали, который стал Нэдди, который потом стал Тедди, — сказал, что справится сам. И Деян ни секунды не сомневался — Тедди всегда справлялся со всем сам. И когда они еще были желторотиками, и в любом деле, за которое они потом вместе брались, Тедди никогда не просил о помощи.

VIP-зал

Много лет назад его, Тедди и Адама загребли за ряд краж со взломом в конференц-центрах. Они тогда уперли вина и шампуня на полтора лимона. Отличная была раб-отка! Им ведь пролезть внутрь через кухню это как два пальца обоссать. А коды к винным погребам они получили от местного уборщика, которому в картах не очень свезло.

Полицейские вызывали Деяна на допрос семь раз, разыгрывали «доброе копа — злого копа», придумали несуществующие доказательства со следами ДНК и пытались натравить их друг на друга: «Адам рассказал, что ты у него взял машину тем вечером», «Тедди говорит, ты взял у него телефон», и так далее. Они всегда такую байду гонят, но он-то тогда этого не знал.

Он загремел за решетку на три с лишним месяца, со всеми поблажками, хотя ему и восемнадцати не было. Ни разу ему не дали поговорить с родителями, температура в камере не поднималась выше шестнадцати градусов, а хмырь из клетки напротив выкрикивал персидские ругательства каждый день с восьми утра и не успокаивался до завтрака.

Koskesh — Деян, по крайней мере, выучил отличное слово — *похабник*.

Это все подрывало силы. Тошнота и вечные пробежки до туалета, чтобы отлить, когда сахар в крови поднимался, а ему запрещали выходить и двигаться в клетке.

Или приступы, когда он не мог есть их отвратную еду. По-умному это называется гипогликемия, низкий сахар. Это самое красивое слово, которое он знал, и одновременно — самое уродливое, знак его болезни.

Он хотел домой, но не только из-за диабета. Ему хотелось прочь от ночных кошмаров и затекших суставов. Съесть кебаб с двойным чесночным соусом, покурить тогда, когда вздувается. И чтобы мама его обняла.